

Лермонтов Михаил Юрьевич Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Про тебя Нашу песню сложили мы,
Про твою любимого опричника
Да про смелого купца, про Калашникова;
Мы сложили её на старинный лад,
Мы певали её под гуслиарский звон
И причитывали да присказывали.
Православный народ ею тешился,
А боярин Матвей Ромодановский
Нам чарку поднёс мёду пенного,
А боярыня его белолицая
Поднесла нам на блюде серебряном
Полотенце новое, шёлком шитое.
Угощали нас три дни. три ночи
И всё слушали не наслушались.
I
Не сияет на небе солнце красное,
Не любятся им тучки синие:
То за трапезой сидит во златом венце,
Сидит грозный царь Иван Васильевич.
Позади его стоят стольники,
Супротив его всё бояре да князья,
И пирует царь во славу божию,
В удовольствие своё и веселие.
Улыбаясь, царь повелел тогда
Вина сладкого заморского
Нацедить в свой золочёный ковш
И поднести его опричникам.
- И все пили, царя славили.
Лишь один из них, из опричников,
Удалой боец, буйный молодец,
в золотом ковше не мочил усов;
Опустил он в землю очи тёмные,
Опустил головушку на широку грудь
А в груди его была дума крепкая.
Вот нахмурил царь брови чёрные
И навёл на него очи зоркие,
Словно ястреб взглянул с высоты небес
На младого голубя сизокрылого,
Да не поднял глаз молодой боец.
Вот об землю царь стукнул палкою,
и дубовый пол на полчетверти
Он железным пробил оконечником
Да не вздрогнул и тут молодой боец.
Вот промолвил царь слово грозное
И очнулся тогда добрый молодец.
"Гей ты, верный наш слуга, Кирибеевич,

Аль ты думу затаил нечестивую?
Али славе нашей завидуешь?
Али служба тебе честная прискучила?
когда входит месяц - звёзды радуются,
что светлей им гулять по поднебесью;
А которая в тучу прячется,
Та стремглав на на землю падает...
Неприлично же тебе, Кирибеевич,
Царской радостью гнушались;
А из роду ты ведь Скуратовых,
И семьею ты вскормлен Малютиной!.."
Отвечает так Кирибеевич,
Царю грозному в пояс кланаясь:
"Государь ты наш, Иван Васильевич!
Не кори ты раба недостойного:
сердца жаркого не залить вином,
Думу чёрную - не запотчевать!
А прогневал тебя - воля царская;
Прикажи казнить, рубить голову,
Тяготит она плечи богатырские,
И сама к сырой земле она клонится".
И сказал ему Царь Иван Васильевич:
"Да об чём тебе, молодцу, кручиниться?
Не истёрся ли твой парчёвый кафтан?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закалённая?
Или конь захромал, худо кованный?
Или с ног тебя сбил на кулачном бою,
На Москве-реке, сын купеческий?"
Отвечает так Кирибеевич,
Покачав головою кудрявою:
"Не родилась та рука заколдованная
Ни в боярском роду, ни в купеческом;
Аргамак мой степной ходит весело;
Как стекло горит сабля вострая;
А на праздничный день твоею милостью
Мы не хуже другого нарядимся.
Как я сяду поеду на лихом коне
За Моску-реку покатится,
Кушачком подтянуся шёлковым,
Заломлю на бочок шапку бархатную,
Чёрным соболем отороченную,
У ворот стоят у тесовых
Красны девушки да молодушки
И любят, глядя, перешёптываясь;
Лишь одна не глядит, не любит,
Полосатой фатой закрывается...
На святой Руси, нашей матушке,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходит плавно - будто лебедушка;
Смотрит сладко - как голубушка;

Молвит слово - соловей поёт;
Горят щеки её румяные,
Как заря на небе божаем;
Косы русые, золотистые,
В ленты яркие заплетённые,
По плечам бегут, извиваются.
во семье родилась она купеческой,
Прозывается Алёной Дмитривной.
Как увижу её, я сам не свой,
Опускаются руки сильные,
Помрачатся очи буйные;
Скучно, грустно мне, православный царь,
Одному по свету маяться
Опостыли мне кони легкие,
Опостыли наряды парчовые,
И не надо мне золотой казны:
С кем казною своей поделюсь теперь?
Перед кем покажу удалство своё?
Перед кем я нарядом похвастаюсь?
Отпусти меня в степи приволжские,
На житьё на вольное, на казацкое,
Уж сложу я там буйную головушку
И сложу на копьё бусурманское;
И разделят по себе злы татаровья
Коня доброго саблю острую
И седельце бранное черкасское.
Мои очи слёзные коршун выклюет,
Мои кости сырые дождик вымоет,
И без похорон горемычный прах
На четыре стороны развеется!.."
И сказал, смеясь, Иван Васильевич:
"Ну, мой верный слуга! я твоей беде,
Твоему горю пособить постараюсь.
Вот возьми перстенёк ты мой яхонтовый
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахе смышлёной поклоняйся
И пошли дары драгоценные
Ты своей Алёне Дмитривне:
Как полюбишься - праздной свадебку,
Не полюбишься - не прогневайся".
Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Обманул тебя твой лукавый раб,
Не сказал тебе правды истинной,
Не поведал тебе, что красавица
В церкви божией перевенчана,
Перевенчана с молодым купцом
По закону нашему христианскому.

* * *

Ай, ребята, пойте - только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте - дело разумеите!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

II

За прилавкою сидит молодой купец,
Статный молодец Степан Парамонович,
По прозванию Калашников;
Шёлковые товары раскладывает,
Речью ласковой гостей он заманивает,
Злато, серебро пересчитывает,
Да недобрый день задался ему:
Ходят мимо баре богатые,
В его лавочку не заглядывают.
Отзвонили вечерню во святых церквах;
За Кремлём горит заря туманная;
Набегают тучки на небо,
Гонит их метелица распеваячи;
Опустел широкий гостиный двор,
Запирает Степан Парамонович
Свою лавочку дверью дубовую
Да замком немецким со пружиною;
Злого пса-ворчуна зубастого
На железную цепь привязывает,
И пошёл он домой, призадумавшись,
К молодой хозяйке за Москва-реку.
И приходит он в свой высокий дом,
И дивится Степан Парамонович:
Не встречает его молода жена,
Не накрыт дубовый стол белой скатертью,
А свеча перед образом еле теплится.
И кличет он старую работницу:
"Ты скажи, скажи, Еремеевна,
А куда девалась, затаилась
В такой поздний час Алёна Дмитриевна?
А что детки мои любезные
Чай забегались, заигрались,
Спозаранку спать уложились?"
"Господин ты мой, Степан Парамонович,
Я скажу тебе диво дивное:
Что к вечерне пошла Алёна Дмитриевна;
Вот уж поп прошёл с молодой попадьёй,
Засветили свечу, сели ужинать,
А по сию пору твоя хозяйюшка
Из приходской церкви не вернулась.
А что детки твои малые
Почивать не легли, не играть пошли
Плачем плачут, всё не унимаются".
И смутился тогда думой крепкою
Молодой купец Калашников;
И он стал к окну, глядит на улицу
А на улице ночь темнѣхонька;
Валит белый снег, расстилается,
Заметает след человеческий.
Вот он слышит, в сенях дверью хлопнули,
Потом слышит шаги торопливые;

Обернулся, глядит - сила крестная!
перед ним стоит молода жена,
Сама бледная, простоволосая,
Косы русые расплетённые
Снегом-инеем пересыпаны;
Смотрят очи мутные, как безумные;
Уста шепчут речи непонятные.
"Уж ты где, жена, жена шаталася?
На каком подворье, на площади,
Что растрёпаны твои волосы,
Что одежда твоя вся изорвана?
Уж гуляла ты, пиновала ты,
Чай, с сынком всё боярским!..
Не на то пред святыми иконами
Мы с тобой, жена, обручались,
Золотыми кольцами менялися!..
Как запру я тебя за железный замок,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свету божьего ты не видела,
Моя имя честное не порочила..."
И услышав то Алёна Дмитриевна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась как листочек осиновый,
Горько-горько она восплакалась,
В ноги мужу повалилася.
"Государь ты мой, красно солнышко,
Иль убей меня или выслушай!
Твои речи - будто острый нож;
От них сердце разрывается.
Не боюсь смерти лютыя,
Не боюсь я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.
От вечерни домой шла я нонече
Вдоль по улице одинёшенька.
И послышалось мне, будто снег хрустит;
Оглянулась - человек бежит.
Мои ноженьки подкосилися,
Шёлковой фатой я закрылася.
И он сильно схватил меня за руки
И сказал мне так тихим шёпотом:
"Что пугаешься, красная красавица?
Я не вор какой, душегуб лесной,
Я слуга царя, царя грозного,
Прозываюся Кирибеевичем,
А из славной семьи из Малютиной..."
Испугалась я пуще прежнего;
Закружилась моя бедная головушка.
И он стал меня целовать-ласкать
И, целуя, всё приговаривал:
"Отвечай мне, чего тебе надобно,
Моя милая, драгоценная!
Хочешь золота али жемчугу?"

Хочешь ярких камней аль цветной парчи?
Как царицу я наряжу тебя,
Станут все тебе завидовать,
Лишь не дай мне умереть смертью грешною;
Полюби меня, обними меня
Хоть единый раз на прощание!"
И ласкал он меня, целовал меня;
На щеках моих и теперь горят,
Живым пламенем разливаются
Поцалуи его окаянные...
А смотрели в калитку соседушки,
И кому на глаза покажусь теперь?
Ты не дай меня, свою верную жену,
Злым охульникам в поругание!
На кого, кроме тебя, мне надеяться?
У кого просить стану помощи?
На белом свете я сиротинушка:
Родной батюшка уж в сырой земле,
Рядом с ним лежит мою матушка,
А мой старший брат, ты сам ведаешь,
На чужой сторонушке пропал без вести,
А меньшей мой брат - дитя малое,
Дитя малое, неразумное..."
Говорила так Алёна Дмитриевна,
Горючими слезами заливалась.
Посылает Степан Парамонович
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклонилися
И такое слово ему молвили:
"Ты поведай нам, старшОй наш брат,
Что с тобой случилось, приключилося,
Что послал ты за нами во темнУю ночь,
Во темнУю ночь морозную?"
"Я скажу вам, братцы любезные,
Что лиха беда со мною приключилася:
Опозорил семью нашу честную
Злой опричник царский Кирибеевич;
А такой обиды не стерпеть душе
Да не вынести сердцу молодецкому.
Уж как завтра будет кулачный бой
На Москва-реке при самом царе,
И я выйду тогда на опричника,
Буду насмерть биться, до последних сил;
А побьёт он меня - выходите вы
За святую правду-матушку.
Не сробейте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свежЕй силою,
На вас меньше грехов накопилось,
Так авось вас господь помилует!"
И в ответ ему братья молвили:
"Куда ветер дует в поднЕбесьи,
Туда мчатся и тучки послушные,

Когда сизый орёл зовёт голосом
На кровавую долину побоища,
Зовёт пир пировать, мертвецов убирать,
К нему малые орлята слетаются:
Ты наш старший брат, нам второй отец;
Делай сам, как знаешь, как ведаешь,
А уж мы тебя, родного, не выдадим".

* * *

Ай, ребята, пойте - только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте - дело разумеите!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

Ш

Над Москвой великой, златоглавою,
Над стеной кремлёвской белокаменной
Из-за дальних лесов, из-за синих гор,
По тесовым кровелькам играючи,
Тучки серые разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистые,
Умывается снегами рассыпчатыми,
Как красавица, глядя в зеркальце,
В небо чистое смотрит, улыбается.
Уж зачем ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?
Как сходились, собирались
Удалые бойцы московские
На Москву-реку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потешиться.
И приехал царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велел растянуть цепь серебряную,
Чистым золотом в кольцах спаянную.
Оцепили место в двадцать пять сажень,
Для охотничьего бою, одиночного.
И велел тогда царь Иван Васильевич
Клич кликать звонким голосом:
"Ой, уж где вы, добрые молодцы?
Вы потешьте царя нашего батюшку!
Выходите-ка во широкий круг;
Кто побьёт кого, того царь наградит;
А кто будет побит, тому бог простит!"
И выходит удалой Кирибеевич,
Царю в пояс молча кланяется,
Скидает с могучих плеч шубу бархатную,
Подпершился в бок рукою правою,
Поправляет другой шапку алую,
Ожидает он себе противника...
Трижды громкий клич прокликали
Ни один боец и не тронулся,
Лишь стоят да друг друга поталкивают.
На просторе опричник похаживает,

Над плохими бойцами подсмеивает:
"Присмирели, небось, призадумались!
Так и быть, обещаюсь, для праздника,
Отпущу живого с покаянием,
Лишь потешу царя нашего батюшку".
Вдруг толпа раздалась в обе стороны
И выходит Степан Парамонович,
Молодой купец, удалой боец,
По прозванию Калашников.
Поклонился прежде царю грозному,
После белому Кремлю да святым церквам,
А потом всему народу русскому,
Горят очи его соколиные,
На опричника смотрит пристально.
Супротив него он становится,
Боевые рукавицы натягивает,
Могучие плечи распрямливает.
И сказал ему Кирибеевич:
"А поведай мне, добрый молодец,
Ты какого-роду племени,
Каким именем прозываешься?
Чтоб знать, по ком панихиду служить,
Чтобы было чем похвастаться".
Отвечает Степан Парамонович:
"А зовут меня Степаном Калашниковым,
А родился я от честного отца,
И жил я по закону господнему:
Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью тёмною,
Не таился от свету небесного...
И промолвил ты правду истинную:
По одном из нас будут панихиду петь,
И не позже как завтра в час полуденный;
И один из нас будет хвастаться,
С удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смешить
К тебе вышел я, басурманский сын,
Вышел я на страшный бой, на последний бой!"
И услышав то, Кирибеевич
Побледнел в лице, как осенний снег;
Бойки очи его затуманились,
Между сильных плеч пробежал мороз,
На раскрытых устах слово замерло...
Вот молча оба расходятся,
Богатырский бой начинается.
Размахнулся тогда Кирибеевич
И ударил в первОй купца Калашникова,
И ударил его посередь груди
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степан Парамонович;
На груди его широкой висел медный крест
Со святыми мощами из Киева,

И погнулся крест и вдавился в грудь;
Как роса из-под него кровь закапала;
И подумал Степан Парамонович:
"Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до последнева!"
Изловчился он, изготовился,
Собрался со всею силою
И ударил своего ненавистника
Прямо в левый висок со всего плеча.
И опричник молодой застонал слегка,
Закачался, упал замертво;
Повалился он на холодный снег,
На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка во сыром бору
Под смолистый под корень подрубленная,
И, увидев то, царь Иван Васильевич
Прогневался гневом, топнул о землю
И нахмурил брови чёрные;
Повелел он схватит удалова купца
И привести его пред лицо своё.
Как возгОворил православный царь:
"Отвечай мне по правде, по совести,
Волной волей или нехотя
Ты убил мово верного слугу,
Мово лучшего бойца Кирибеевича?"
"Я скажу тебе, православный царь:
Я убил его вольною волей,
А за что, про что - не скажу тебе,
Скажу только богу единому.
Прикажи меня казнить - и на плаху несть
Мне головушку повинную;
Не оставь лишь малых детушек,
Не оставь молодую вдову
Да двух братьев моих своей милостью..."
"Хорошо тебе, детинушка,
Удалой боец, сын купеческий,
Что ответ держал ты по совести.
Молодую жену и сирот твоих
из казны моей я пожалую,
Твоим братьям велю от сего же дня
по всему царству русскому широкому
Торговать безданно, безпошлинно.
А ты сам ступай, детинушка,
На высокое место лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топор велю наточить-наострить,
Палача велю одеть-нарядить,
В большой колокол прикажу звонить,
Чтобы знали все люди московские,
Что и ты не оставлен моей милостью..."
Как на площади народ собирается,
Заунывный гудит-воет колокол,

Разглашает всюду весть недобрую.
По высокому месту лобному
Во рубахе красной с яркой запонкой,
С большим топором наострѣнным,
Руки голые потираючи,
Палач весело похаживает,
Удалова бойца дожидается,
А лихой боец, молодой купец,
Со родными братьями прощается:
"Уж вы, братцы мои, други кровные,
Поцалуемтесь да обнимемтесь
На последнее расставание.
Поклонитесь от меня Алёне Дмитревне,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моим детушкам не сказывать;
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всем нашим товарищам,
Помолитесь сами в церкви божией
Вы за душу мою, душу грешную!"
И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка бесталанная
Во крови на плаху покатила.
Схоронили его за Москва-рекой
На чистом поле Промеж трёх дорог:
Промеж Тульской, Рязанской, Владимирской,
И бугор земли сырой тут насыпали,
И кленовый крест тут поставили,
И гуляют-шумят ветры буйные
Над его безымянной могилкою,
И проходят мимо люди добрые:
Пройдёт стар человек - перекрестится,
Пройдёт молодец - приосанится;
Пройдёт девица - пригорюнится,
А пройдут гусяры - споют песенку.
* * *

Гей вы, ребята удалые,
Гусяры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали - красно и кончайте,
Каждому правдою и честью воздайте.
Тороватому боярину слава!
И красавице боярыне слава!
И всему народу христианскому слава! [1837 г.]